

Литература

1. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 235 с.
2. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1987. – 959 S.

УДК 811.112.2'0'367.632

А. П. Нарчук

АРТИКЛЬ В СИСТЕМЕ ЕДИНИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЕГО РАЗВИТИЯ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением определенного артикля и особенностями его функционирования на разных этапах развития немецкого языка во взаимодействии с неопределенным артиклем. Анализ проводился на базе словосочетаний, содержащих артикль, а также словосочетаний с нулевым артиклем, извлеченных из литературных памятников и произведений современной художественной прозы. В статье предпринимаются попытки установления исторических корней формального и семантического аспекта немецкого артикля и обоснования взаимосвязи между его типом и семантикой коррелируемых с ним словосочетаний.

Процессы исторического развития немецкого языка привели к такому пониманию артикля, которое исключает его функционирование как самостоятельной части речи. Немецкий артикль рассматривается, прежде всего, в его служебной функции, которая позволяет маркировать род существительных. По утверждению М. Д. Степановой и Г. Хельбига артикль выступает как десемантизированная единица, не являющаяся в синтаксическом отношении самостоятельной и не способная вследствие этого формировать члены предложения [1, с. 61].

Наряду с этим в научной литературе обсуждаются также функции артикля, которые сводятся не только к указанию на род, число и падеж имен существительных, но и, как констатирует К. Бюлер, оказывают влияние на выполнение их центральной роли в предложении и модифицируют их «символическую значимость» [2, с. 416]. К. Бюлер имеет в виду, что немецкий артикль выступает в каждом

отдельно взятом случае его употребления как выразитель определенной семантики, в результате чего под его воздействием в предложении учитываются все обстоятельства, обозначаемые К. Бюлером как ««полевые значимости», т. е. речевые ситуации, в которых артиклевые словосочетания существительных обозначают нечто конкретное. Артикль употребляется говорящим не произвольно. Некие «символические значимости», существующие в голове одного человека как отражение окружающей действительности, должны быть модифицированы по К. Бюлеру в так называемые «полевые значимости», т. е. находящиеся на удалении от слушателя ситуативные фрагменты должны быть преобразованы говорящим в реальные ситуации для всех. При такой актуализации информации, известной только одному человеку, определенный и неопределенный артикль немецкого языка участвует в построении моделей, которые создают у слушателя его собственные представления об интерпретируемой действительности. Обстоятельства, влияющие на выбор немецкого артикля, можно проиллюстрировать на примере конкретно взятого текста.

Vorbei sind Wind und Regen, der Mittag ist so heiter, die Wolken teilen sich. Fliehend bescheint den Hügel die unbeständige Sonne. Rötlich fließt der Strom des Bergs im Tale hin. Süß ist dein Murmeln, Strom; doch süßer die Stimme, die ich höre [3, с. 95].

Обозначаемые в данном тексте явления действительности (*der Mittag, die Wolken, den Hügel, die Sonne, der Strom, des Bergs, die Stimme*) употребляются с определенным артиклем не потому, что на них ранее имелась ссылка. Говорящий упоминает их здесь впервые и употребляет определенный артикль, чтобы указать слушателю на какое-то «данное», выступающее как общая и известная для обеих сторон информация. Вследствие этого в немецком тексте возникают, по словам К. Бюлера, «полевые значимости», или окказиональные употребления слов-образов, позволяющих вызвать у слушателя индивидуальные ассоциации при восприятии описываемого фрагмента действительности. Каждый слушатель или читатель ощущает описываемые *полдень, тучи, холм, солнце, голос* и т. д. как вещи, которые рядом с ним, на которые можно здесь и сейчас указать. Эти ситуативные употребления становятся возможными благодаря применению определенного артикля и возникающей вследствие этого индивидуализации восприятия.

Существительные *Wind, Regen, Strom*, употребленные без какого-либо артикля, утрачивают это свойство и предстают перед слушателем как выразители понятийного единства, в котором заключается обобщенная признаковая характеристика описываемого явления. Отсутствие артикля здесь может рассматриваться как употребление

неопределенного артикля со значением неопределенности. *Ветер, дождь, ненастье* выступают в таком случае в немецком тексте в роли передатчика общей понятийности, которая не содержит индивидуализирующей эмфатичности. На наш взгляд, из-за отсутствия в русском языке артиклей русский перевод цитированного примера не может передать обсуждаемые семантические оттенки существительных, и ситуативные смыслы выражены здесь без дополнительной эмоционально-экспрессивной оценки, которая присутствует в немецком оригинале. Например: *Ненастье миновало, сияет яркий полдень, рассеяв сумрак туч. Изменчивое солнце неверными лучами озаряет холм. Весь алый, бежит по долине горный ручей. Ручей, как сладок твой рокот! Но слаще мне слышится голос.* Все существительные в данном русском аналоге по силе воздействия уравниваются и используются только для называния описываемых существностей.

К. Бюлер в связи с этим близок к мысли о том, что существительные немецкого языка, употребленные без артикля, даже не могут считаться полноценными существительными. Он приводит для сравнения предложения *er war König* и *er war der König*, указывая на адъективный характер слова *König* в первом случае. Не случайно личные имена собственные очень часто употребляются в живой разговорной речи южных и средних областей Германии с определенным артиклем: *der Max war heute nicht da; den Peter habe ich nicht gesehen* и т. д. Это свидетельствует об отсутствии произвольности при таком выборе и наличии устойчивой традиции при употреблении определенного артикля в немецком языке. Такая традиция отсутствует даже в близкородственном английском языке, где в схожих ситуациях на месте немецкого определенного артикля употребляется так называемый нулевой артикль: *er kommt von der Arbeit nach Hause; he comes home from work.*

Совершенно очевидно, что объяснение этому следует искать в плоскости семантического аспекта данной языковой единицы, который определяется ее происхождением и развитием из полнозначного слова – указательного местоимения *theser*. Его превращению в определенный артикль *der* предшествовала фонетическая редукция конечного слога, которая, в свою очередь, явилась следствием закрепления словесного ударения на первом слоге. В древневерхненемецком языке элемент *theser* еще достаточно отчетливо сохраняет общие признаки первоначального значения указания на предмет, привнося при этом в контекст также семантику индивидуализации, о которой мы вели речь выше. Например: *Inti quad Zacharias zi **themo** engile: “uuanan uueiz ich thaz? Ich bim alt, inti min quena fram ist gigangan in ira tagun“* [4, с. 47]. Здесь мы еще видим, собственно, указательное местоимение, но оно уже

выступает в функции артикля, указывая на отдельно взятую, конкретную сущность, отличную от других – тот ангел, уже ранее названный.

Так или иначе, указательное местоимение *theser*, подвергаясь не только фонетической, но и смысловой редукции, преобразуется в форму *der* и переносит на формирующуюся часть речи свою исконную семантику – указательную функцию, которая к концу древневерхненемецкого периода искусно сочетается с функцией определенного артикля – указание на нечто, что было уже прежде названо, либо еще не названо, но известно говорящему и слушающему как «данное». Например: *Sein Diener bemerkte, als Werther nach Hause kam, dass seinem Herrn **der Hut** fehlte. Er getraute sich nicht, etwas zu sagen, entkleidete ihn, alles war nass. Man hat nachher **den Hut** auf einem Felsen, der an dem Abhange des Hügels ins Tal sieht, gefunden* [3, с. 99]. В первом случае определенный артикль *der* выполняет функцию индивидуализации предмета *Hut*, и называемое существительное воспринимается в данном случае как отдельный предмет, выступающий единичным представителем всего рода предметов, относящихся к общему понятию *Hut*. Во втором случае артикль *der* в большей степени выступает по отношению к существительному в указательной функции. В русском переводе этого фрагмента как будто не достает местоимения *ту* (*эту*): *Когда он воротился домой, слуга его заметил, что барин потерял шляпу. Однако не осмелился ничего сказать, раздевая его. Вся одежда промокла насквозь. Впоследствии (ту) шляпу нашли на уступе холма, обращенном к долине.*

Неопределенный артикль явился продуктом более позднего развития и в древневерхненемецком языке еще не везде был обязателен, что свидетельствует о его некоторой формальности для данного периода. Примечательно, что в дальнейшем на основе этой необязательности в современном немецком языке развились две формы с одинаковым значением неопределенности – нулевой и неопределенный артикль. Например: *Dat gafregin ich mit **firahim firiuuizzo** meista, dat **ero** ni uuas noh **ufhimil**, noh **paum**, noh **pereg** ni uuas, ni nohheinig noh **sunna** ni scein, no **mano** ni liuhtha, noh **der** mareo **seo**. Do dar niuuuht ni uuas **enteo** ni **uunteo**, enti do uuas **der** eino almahtico **cot**, **manno** mil-tisto, enti dar uuarun auh manake mit inan cootlihhe **geista**. Enti **cot** heilag...* [5, с. 46]. Из 15 существительных данного древнего текста только два употреблены с определенным артиклем. В остальных случаях существительные необоснованно стоят вообще без артикля. В современном варианте данный фрагмент демонстрирует принципиально иную картину артиклевых словоформ: *Das erfuhr ich unter **den Menschen** als **der Wunder** größtes, dass **Erde** nicht war, noch oben*

der Himmel, nicht Baum, noch Berg nicht war, noch irgend etwas, noch die Sonne nicht schien, noch der Mond nicht leuchtete, noch das herrliche Meer. Als da nichts war an Enden und Wenden, da war der eine allmächtige Gott, der Wesen gnädigstes, und da waren mit ihm auch viele herrliche Geister. Und Gott der heilige... [5, с. 46].

В результате закрепления обязательного артикля существительные начинают распознаваться по категориальным значениям определенности / неопределенности либо соотнесенности / несоотнесенности. По сравнению с древневерхненемецким периодом в современном немецком предложении окончательно закрепляется последовательная связь типа артикля и семантики словоформы, образующейся с его помощью: определенный артикль – определенная соотнесенность, неопределенный артикль – неопределенная соотнесенность, нулевой артикль – несоотнесенность.

Литература

1. Степанова, М. Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М. Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М.: Высшая школа, 1978. – 259 с.
2. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 502 с.
3. Goethe, J. W. Die Leiden des jungen Werther / J. W. von Goethe. – Husum/Nordsee: Hamburger Lesehefte Verlag, 2009. – 120 S.
4. Braune, W. Althochdeutsches Lesebuch / W. Braune, K. Helm, E. A. Ebbinghaus. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1962. – 258 S.
5. Bender, E. Deutsches Lesebuch / E. Bender, E. Sang. – Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1965. – 271 S.

УДК 811.111'373.46'42

Е. В. Овдиенко

ТЕРМИНЫ КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

В данной статье рассматривается вопрос о роли терминологических единиц в текстах научно-технической направленности. Указывается на необходимость изучения специализированной лексики